

НУШ

ТАРОН

Нуш Нуш

Тарон

«Accent Graphics communications»

2013

Нуш Н.

Тарон / Н. Нуш — «Accent Graphics communications», 2013

Поддавшись негативному импульсу, идя на поводу разбушевавшихся эмоций, можно потерять самое дорогое, что подарила тебе судьба. «Тарон» – история о трудной дороге ошибок и опрометчивых поступков, пройденной главным героем. Преодолев этот страшный путь отчаяния, мрака и боли, Тарон обретает умение быть чутким и бережно хранить то счастье, что едва не разрушил собственными руками.

© Нуш Н., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Нуш Тарон

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

В голубом небесном пространстве парили птицы над городом Мадрид. В танцующем полёте они словно играли друг с другом, гоняясь за потоком тёплого ветра. А их маленькие тени оставляли свой неповторимый узор танцев на стенах домов, проникая вместе с бликами солнца в окна. Многоэтажный дом, находящийся на улице Алькала, лениво просыпался. Игра птиц и их весёлая трель никак не могла отвлечь Тарона от потока назойливых мыслей.

– Не смотри ты на меня так пытливо, зеркало. Лучше ответь мне, ведь сегодня такой чудный день, а моя любимая проснулась без настроения, с нахмуренным личиком, почему?

Вслух рассуждая с зеркалом, Тарон немного рассеянными движениями поправил на шее галстук, в очередной раз про себя отмечая, что у Нелли всегда получается отлично повязать ему галстук. Его внимание было приковано к жене, лежавшей на супружеском ложе, стоявшем в центре просторной комнаты. Над ним висело огромное кольцо, по всей окружности которого легко передвигалась воздушная, полупрозрачная ширма цвета нежно-зеленого изумруда, с сапфировыми вкраплениями. У изголовья расположился высокий комод цвета какао с молочными разводами, а по бокам кровати стояли торшеры в виде плетущегося тропического цветка. Напротив кровати на стене висела авторская картина, а под ней находился небольшой, ручной работы комод, привезенный Тароном из дальней страны. В нём Нелли хранила всё, что было памятным для их семьи. Почти в углу спальни была стеклянная дверь, это был выход на мансарду, где Нелли своими руками создала маленький и уютный Эдем. По утрам солнце дарило своё тепло, озаряя этот маленький сад, и вместе с ароматом цветов проникало в их с Тароном спальню. Тарон, чуть улыбнувшись краешками губ в ответ на чарующую улыбку жены, вновь произнес:

– Зеркало, что же ты молчишь, словно партизан? – и, вздыхая, продолжил: – Что же испортило настроение моей Нелли?

Не моргая, Тарон смотрел в зеркало на отражение супруги, взглядом словно наслаждаясь ею, и в то же время подспудно ощущая тревогу. Нелли, молча наблюдавшая за мужем, на несколько секунд прикрыла глаза, прислушиваясь к голосу своего беспокойного сердца. Она была красивой, миловидной женщиной, невысокого роста, хрупкая, но сильная волей. Быстрым движением рук поправила свои короткие и непослушные темные волосы, кокетливо поведя плечами, сонно потянувшись, встала с постели. Накинув на плечи шелковый пеньюар салатного цвета, бесшумными шагами направилась к Тарону:

– Не мучай ты зеркало, оставь его, пусть молчит себе, любимый. Всё хорошо.

И, поцеловав его в плечо, потянулась к расчёске. Спустя пару минут она вновь пристально посмотрела в глаза мужа. Голос Нелли прозвучал дрожащими нотками тревоги, она боялась движениями рук выдать своё волнение, но брови предательски чуть дрожали, несмотря на все усилия скрыть состояние души.

– Тарон, люблю тебя!

– Ещё бы, как же так, такого brutального, как я, и не любить?! – Тарон рассмеялся и нежно подхватил на руки Нелли. Не тая сердечной страсти, закружились они по комнате, лаская друг друга взглядом. В их глазах уже на протяжении двадцати трёх лет горел свет любви, и кипела страсть в крови, и её запах, сводивший его с ума, её манящая улыбка кружила ему

голову с того дня, как они познакомились. Он неустанно целовал её чувственные розовые губы, крепко держа на руках.

– Люблю тебя, Нелли! – шепнул он, прикасаясь губами к непослушным волосам.

– С годами твой поцелуй ещё слаще, Тарон! – проворковала она, нежно водя пальчиками по его щеке. – А моё настроение – это всего лишь дурной сон этой ночью. Этот день унесёт его, как уходит талый снег в землю. Любимый, отпусти же меня, надо успеть приготовить завтрак, и скоро наш сынок Рупен проснётся.

Ласково взъерошив шевелюру Тарона, она улыбнулась, стараясь подавить в себе страх, и, не произнося больше ни слова, вышла из спальни, направляясь в кухню. В огромной квартире кухня находилась этажом ниже и была совмещена с просторной столовой. Интерьер кухни и столовой Нелли подбирала вместе с одним из ведущих дизайнеров Великобритании, который угадал её желание совместить красоту с практичностью и функциональностью.

– Может, я тебя чем-то невзначай обидел? – выходя вслед за Нелли, встревожился Тарон, потирая ладонью в задумчивости свой высокий лоб.

– Я даже не имею желаний возвращаться к этому разговору, – резко ответила Нелли, оглядывая кухню.

– Это впечатление от сна, Тарон, но его влияние не бесконечно. Она впервые столь резко ответила мужу, за все годы, совместно прожитые, он не слышал от неё подобного тона, и, увидев удивленные, непонимающие глаза Тарона, Нелли отвернула голову в сторону, виновато опустив синие глаза. Тарон обиженно, выпятив вперёд нижнюю губу, смотрел на жену, словно ребёнок, которого незаслуженно строго одернула мама.

– Позвони после обеда Ирэн, она даст тебе мудрый совет, что и как делать, чтоб не сбылся твой кошмарный сон, – еле слышно предложил он, бормоча ещё тише что-то себе под нос. В его голосе чувствовалось желание не быть услышанным Нелли. Ему вдруг захотелось покинуть кухню и остаться наедине со своими мыслями.

– Господи! – всплеснула руками Нелли. – Ты не изменился, Тарон, – и с сожалением добавила: – Ты все ещё сердишься на неё. А у Ирэн сегодня премьера в театре, ты не забыл?

– Нет. Такое забыть – всё одно, что себя не уважать. Порою меня посещают мысли, что она ведьма, ведунья, колдунья – но что-то нехорошее в ней присутствует... Я даже всё никак не могу найти талантливого сценариста, который смог бы до тонких деталей описать Ирэн во всём, начиная от характера и образа её жизни, – невесело пошутил Тарон с давней обидой в голосе.

Он даже не мог представить, что его слова, сказанные им Нелли, прозвучат для неё с более ироничным смыслом.

– Тарон, прекрати, – она обернулась к нему и потрясла в воздухе ложкой. – Ты, как ребёнок, насупился и злишься на Ирэн. Ещё немного, и ты топнешь ногой. А Ирэн ведь не только имеет звание заслуженной народной актрисы и почитателей со всего мира. Прежде всего, она заменила тебе родителей. А ты всё сердишься на неё, обижаешься и игнорируешь. Хоть она ни в чём не виновата перед тобой, давая тебе в жизни всё по максимальной возможности.

– Виновата она! – воскликнул упрямо Тарон, обиженно вздыхая и чуть не опрокинув чашечку горячего кофе, приготовленного им самим в турке.

Нелли не посмела возразить мужу. Перед глазами была вся его душевная боль, пережитая за годы жизни, его мучения и печаль. Задумчивым взглядом Нелли смотрела на мужа с вмиг осунувшимся посеребрившим лицом, его сжатые губы и чуть выдвинутый вперед подбородок выдавали его мысли. Перед нею сидел не только любимый муж, а еще известный, всеми любимый режиссер, чьё имя звучало у многих на устах, и многие популярные актеры желали бы сыграть роли в его фильмах. Его известность ещё более возросла после выхода в свет его новой работы. Это был фильм, снятый им в Иране. Память воспроизвела те жуткие четыре дня, тот час, когда он сообщил ей о своём принятом решении создать документальный фильм. В новом

фильме основной сюжет о солдатах, чьи жизни беспощадно поглотила страшная война, которую инициировала прихоть государства. Каждый раз, когда речь шла о войне, Тарон жестко критиковал государство, обвиняя его в бесчисленных пороках. Во время съемок фильма Тарон лично общался с матерями погибших, и словно сам пережил от начала до конца... хотя, есть ли конец в материнском горе? Было нелегко, почти невозможно говорить с Тароном о смерти, он становился другим человеком, в одно мгновение исчезала с лица улыбка и его небесно-голубые глаза становились бесчувственными стекляшками; нервничая, он неосознанно все чаще поправлял свою прическу, заглаживая серебристую седину к затылку. Его нежные и тонкие черты лица обретали суровость, и было что-то жесткое в его жестах. И одна Нелли знала и понимала причину такого радикального изменения в Тароне, от одного только услышанного слова «смерть».

Еще в детстве будущий режиссер тяжело перенес трагическую смерть любимых и любящих его, единственного сына, родителей. В тот день, который пришел, начавшись, как и другие дни, но ставший ужасным событием... По желанию родителей он остался у бабушки, а наутро, в тот день, проснувшись в радостном ожидании звонка от родителей, он вдруг увидел слезы и услышал крик Ирэн.

– Тарон, мне приснился жуткий сон, я не могу прийти в себя! Будто твои родители ехали в машине, и вдруг началась стрельба по автомобилю, превращая его в решето. Восьмилетний Тарон хлопал глазами, смотря на свою растрепанную, всю в эмоциях бабушку, и не мог понять, о чем она говорит. Ирэн не разрешала маленькому Тарону называть ее бабушкой, настаивая, чтобы он обращался к ней по имени. Но уже тогда он знал тот факт, что в тот день смерти его деда, мужа Ирэн, бабушке тоже привиделся вещий страшный сон, предвещающий кончину деда.

Тарон интуитивно ощущал на себе объятия его строгой бабушки, хоть и ни разу за восемь лет жизни она не обняла его, как это делали бабушки его ровесников, ни разу он не видел и не получал от нее ласки. Ее грозный образ настолько запечатлелся в его детском сознании, что даже тогда, в тот день, она обняла его впервые, он так и не решился произнести вслух: «Не плачь, бабушка, не надо, не плачь».

Только мысленно повторял, как заклинание: «Бабушка, не плачь, бабушка, не плачь...» И так же рождались заклинанием слова на похоронах его родителей, где он крепко сжимал ручонкой ладонь его суровой бабушки. Она сумела удержать слезы в себе, ни слова не сказав вездесущим папарацци и не взглянув в объектив камер приехавшего телевидения. А после похорон, оказавшись дома, без посторонних и чужих взглядов и ушей, она негромко позвала его к себе:

– Теперь можешь плакать, Тарон, здесь только я и ты.

Ее слова прозвучали словно приказ для маленького мальчика. Строго взглянув в голубые глаза внука, она негромко, но четко произнесла:

– Они тут. С нами. Их присутствие незримо, – и она прикоснулась ладонью к фотографиям сына и невестки, стоявшим на одной из полок книжного стеллажа. И уже сразу же изменившийся, грозный взгляд Ирэн из-под нахмуренных бровей упал на пожилого мужчину на фото, улыбающегося и с раскинутыми руками, будто желая объять небо.

– Рудик, ты теперь доволен? Любимый, они оба теперь под твоим крылом, под твоей вечной опекой... – голос Ирэн оборвался, и слезы потоком хлынули из ее глаз:

– Береги их, Рудик! Береги! – прокричала она молчаливому мужчине на фото, глотая соленые слезы.

Тарон почти не моргая смотрел на бабушку, в его неокрепшей душе было больше жалости, чем сочувствия к Ирэн.

– Тарон, подойди ко мне ближе.

– Ты убила их! Ты! Ты! Ты! – неожиданно закричал Тарон ей, подавшись всем телом вперед. – Ты убила их! Ты убила их!

Прошли годы, но мысль о вещих снах Ирэн, о её предсказаниях кончины близких, родных людей настолько укрепилась в мозгу Тарона, буквально вьевшись в его плоть вместе с обвинениями в смерти, что ни время, ни какие-либо другие обстоятельства не могли доказать обратное. И это все было неизменным, несмотря на то, что Ирэн не допустила ни няню, ни гувернантку к ребенку, сама заменив ему родителей, не жалея себя, не утаивая сил, одна растила его, воспитывала, уча многим нужным в жизни вещам, чтобы он стал Человеком, давая ему лучшее, что было в ней. А теперь он, будучи состоявшимся, взрослым человеком, сидел в кухне на высоком табурете перед любимой женой и невнятно бормотал себе под нос слова на своем родном армянском языке. Из всего потока его фраз Нелли еле улавливала отдельные слова, смутно догадываясь об их смысловом значении. И сердце Нелли все быстрее стучало, разрываясь от ощущений, от слов Тарона, в которых звучали воспоминания о прошлом. И вновь что-то напомнило Нелли о её сне, который она не решалась ему рассказать. Руки предательски задрожали и, отвернувшись от Тарона, скрывая нарастающее волнение, она хотела направиться в комнату Рупена, чтобы разбудить и поднять его к завтраку. Но её шаги остановил голос Тарона, прозвучавший за её спиной как мольба:

– Я эгоист. Любимая, подойди ко мне. Моя Нелли, – потянулся он навстречу её прикосновениям. Руки любимой жены нежно обвили его широкие плечи, и он со вздохом склонил голову к её тонким, заботливым пальцам. – Ты прости меня. Все эти годы тебе снились разные сны, а я даже не спрашивал, о чем они. Может, цветные, красивые, а может, и тревожные, но я не знаю об этом. И сейчас я вижу, как ты маешься, и хочешь мне о чем-то поведать, и стремишься убежать в другую комнату, борешься с собой, меня бережешь, чтобы...

– Люблю тебя, – перебив растерянного мужа, Нелли коснулась губами его губ, слившись в сладком поцелуе. – Тарон, – прошептала она. – Сон – это твоя любовь. И я живу твоей любовью, Тарон. Пойми. Мою жизнь ты превратил в волшебный сон, в бесконечный рай. Любимый, хочу сказать тебе, все 23 года, каждое утро, просыпаясь, встречая рассвет, я люблюсь тобой, смотрю на спящего тебя и тихо шепчу – ты мой, Тарон! Разве я бы вышла замуж за эгоиста? Нет. Ни за что!

Тарон встал со стула и, заключив её в объятия, крепко прижал к груди, осыпая поцелуями её волосы.

– Нелли, как жизнь дана Богом одна, так и ты для меня одна, моя единственная.

– Тарон, мне так нравится, когда мы так признаемся друг другу в любви, мой нежный пенчик, – скокетничала Нелли, скрыв свою тревогу от Тарона.

– О-о-о, любимая, а я так обожаю запах твоих пальчиков и улыбку, что сводит меня с ума, – улыбнулся Тарон. – Но ты расскажи мне о своем сне, что было в нем, что ты до сих пор встревожена, я чувствую, хоть и замечаю, как ты стараешься скрыть от меня беспокойство.

Тарон был настойчив, но Нелли колебалась, она то отводила свой взгляд в сторону, то вновь смотрела мужу в глаза.

– Я боюсь, что ты, узнав о сне, возненавидишь меня, – наконец тихо произнесла Нелли, опустив голову. И заторопилась:

– Я пойду разбужу Рупена, а то он уже опаздывает в школу.

Брови Тарона удивленно вздернулись, и он непонимающе посмотрел на жену:

– Тебя?! Возненавидеть???

Не удержавшись, Нелли вернулась к нему и крепко его обняла. Её сердце плакало и дыхание содрогало всю её сущность. Она уже не могла держать в себе переживания, и навзрыд плакала, прижавшись к груди мужа, и с водопадом слез, проглатывая некоторые слова, обрывками она поведала о своем страшном сне. И было ясно, что ей снились похороны их с Тароном сына, их Рупена.

– Ты провожал его в школу, вы шли через детскую площадку, и он побежал в сторону качелей... что-то произошло, эти обрывки... и он умер у тебя на руках, Тарон! – задыхаясь от плача, она смотрела в глаза Тарону, ожидая увидеть ненависть в его глазах. – Скажи же!

Но Тарон молчал. Он помог ей присесть на стул и быстро сходил за успокоительным. Целуя её руки, он заставил принять успокоительный препарат и, держа в руке стакан с водой, осторожно дал запить. Так же молча он положил свою сильную руку ей на плечо и медленно провел по её спине, словно желая забрать эту боль от любимой. Присев рядышком на корточки, он заглянул в её заплаканные глаза.

– Нелли, Нелли, прошу тебя, успокойся, дыши глубже, я рядом, любимая. Ты решила, что из-за какого-то сна я смогу возненавидеть тебя... – целуя руки Нелли, говорил Тарон. – Никто и ничто не сможет убить мою любовь к тебе, ты всегда знай это, любимая.

Немного помолчав, он бережно взял в руки её ладони:

– Я понимаю, на чём основан твой страх. Любимая, обещаю, даю тебе слово мужа, мужчины, что с нашим сыном ничего не произойдет, поверь мне, ничего не случится, – твердо произнес Тарон, вставая и не выпуская из объятий жену.

Тарон прислушивался к своим новым ощущениям и словно впервые почувствовал всю силу любви Нелли и её страх потерять близкого, самого родного человека, из-за его прошлого.

– Это всего лишь сон, – вновь повторял Тарон.

Порою, произнося определенные слова часто, человек сам себе внушает, убеждая смыслом слов, и тогда потеря близкого превышает все грани разума. Но в эту минуту Тарон думал о Нелли, о её любви. Ведь в его жизни она была для него всем, и сама жизнь опустела бы, не будь её рядом. И за всё, что происходило в его судьбе, он был благодарен ей одной. Её понимание и терпение многому научили Тарона. А на работе его коллеги даже подшучивали над ним, спрашивая: «Тарон, как же ты выдерживаешь эти часы работы вдаль от любимой, от семьи?»

И только они вдвоем знали, как мучительно долго проходило это время отсутствия, где бы ни был Тарон. Каждый раз, когда выдавалась свободная минута, он набирал её номер телефона, только бы сказать: «Любимая, люблю тебя!». И услышать в ответ взаимное:

«Любимый...», и сердцем ощущать её улыбку, слыша прерывистое дыхание в динамике телефона. Сердце Тарона властвовало над его разумом, видя, в каком состоянии его любимая. И мысли его лихорадочно бились словами, и ни одного из слов не мог подобрать Тарон, чтобы успокоить любимую, вернуть ей уверенность. Внутри него, где-то в груди кричала душа, но всего хаоса слов было мало, все они были бессильны перед стеной страха Нелли. И только увидев подавленность и растерянность в глазах мужа с побелевшим от тревоги лицом, она сделала глубокий вздох, тихо произнесла:

– Я боюсь тебя потерять.

– Мы никогда друг друга не потеряем! – твердым голосом произнес Тарон. И добавил: – А сон твой как приснился, так и уйдет, как исчезает день.

– Любимый, чем же я заслужила твою любовь, Тарон? Чем? Твоя любовь такая всеобъемлющая, словно Вселенная, – целуя руки мужа, Нелли украдкой роняла слёзы.

– Нелли! – вдруг резко вставая, произнес Тарон. Необъяснимая импульсивность Тарона вмиг насторожила Нелли, она заглянула внимательно в его глаза, немного со страхом. Следя взглядом за каждым его движением, она заметила, как Тарон красиво приподнял свою левую бровь. И улыбка озарила её уста, она узнала ту самую мимику лица своего мужа, он всегда делал так, когда хотел тайком подшутить, его левая бровь, чуть дрожа, вскакивала на середину лба, и этот лукавый, игривый взгляд...

– Скажи-ка ответ мне на один вопрос: за 23 года нашей совместной жизни сколько раз я тебя ругал? – спросил Тарон, придавая лицу грозный вид.

– Только три раза, – стараясь не поддаваться возникшему ощущению ожидания неприятного разговора.

– И за что же я тебя ругал?

– Первый раз за то, что однажды зимой я не взяла с собой перчатки и мои пальчики замерзли. А во второй раз ты отругал за то, что я невзначай пересолила твой любимый суп. А в третий... – Нелли не удержалась и начала смеяться.

– Да-да, за что же в третий раз мне пришлось тебя поругать?

– За то, что войдя в туалет, я забыла закрыть дверь. А ты зашел и, присев передо мной и читая мораль, ждал. Что, это даже очень красиво? Тарон, не слушай меня, – опустив стыдливо глаза, попросила она. Он, улыбаясь, стал перед ней на колени, благодарным жестом взяв её за руки, и произнёс:

– Любимая, так вот. Запиши сегодняшнюю дату в твоей, любимой горячо мною, красивой голове, что твой Тарон ругал тебя за то, что ты в себе подняла такую тревогу из-за какого-то бредового сна.

Тарон хоть и видел на губах и в глазах любимой улыбку, но, зная её характер (она всегда старается не подать виду и держит в себе тревожные переживания) и чтобы избавить Нелли от лишних мыслей, он произнес:

– Нелли, любимая, я принял решение, сегодня же попрошу у Ирэн прощения. Прямо во время выступления, со сцены! Ты всегда учила меня понимать и прощать. И сегодня ты, сама того не осознавая, впервые научила меня принять то, что было много лет назад. Твоя любовь в словах разрушила все те воспоминания прошлого, эту жуткую картину тех дней, что терзали меня, время от времени возникая перед моими глазами. Ты словно смыла с готового эскиза все те ненужные, темные краски, под чьим влиянием я жил все эти годы.

Тарон замолчал, по старой своей привычке дотронувшись рукой до подбородка, чуть потерев его большим пальцем, он пристально взглянул в глаза любимой. И тихим, спокойным тоном в голосе продолжил вслух свои мысли:

– Нелли, годы в нас закладывают свои механизмы. Я, скорее всего, родился под счастливой звездой, в счастливой белой рубашке, поскольку этот механизм не смог разрушить меня ни изнутри, ни внешне. А вместе со мной нашу любовь, нашу семью, любимая, – и, подойдя ближе к своей жене, он протянул ей навстречу руки, желая заключить её в объятия.

– Ты подарила мне сегодня нового меня!

Нелли, утирая свои мокрые от слез глаза, крепко обняла своего мужа. Его голос, полный спокойствия и уверенности, пронизанные любовью к ней слова вмиг избавили её от страха, исчезла тревога, сжимающая её грудь, а его объятия уносили куда-то её страх. И ощущение защиты и опоры, которое она утратила вместе со сном, вновь вернулось к ней, словно свежий ветер. Обнимая Тарона, она чуть слышным шепотом произнесла:

– Господи, спасибо Тебе.

Годы научили многому, преподавая им обоим хорошие уроки, уча их вместе преодолевать препятствия в жизни. И только они вдвоём знали, какими усилиями всё давалось и сколько душевных сил им пришлось вложить, чтобы в их семье появился Рупен. Он был для них всем. Смысл их обоюдной жизни они видели в его больших, карих глазах. Он был их жизнью, их радостью, как радуга после дождя. Его кудрявые волосы и нежные черты лица были наполнены светом любви его родителей, и восьмилетний Рупен всегда повторял, улыбаясь: «Я как вырасту, стану таким красивым и брутальным, как папа, и буду мудрым и умным, как мама». И каждый раз по утрам, за завтраком, маленький Рупен повторял эти слова, по очереди подбегая то к отцу, то к маме, обнимая их и ласково прижимаясь головой к ним. И в глазах Тарона и Нелли играла улыбка нежности.

И это начало нового дня, утренняя заря, ничем не отличалось для Рупена от всех предыдущих начал, за исключением тех дней, когда отец уезжал в дальние поездки, связанные с работой. Солнце так же ярко сияло им в окна, и лучи бережно ложились на кухонный стол, сползая затем в причудливой игре бликов на светло-бежевый пол. Нелли рассказывала увле-

ченко Тарону, что французское телевидение предложило ей вакансию телеведущей в новой программе, посвященной примечательностям, и не только, городов разных стран.

Передача так и называлась – «Города мира». Узнав, что Нелли приглашают в Париж, Рупен воскликнул:

– Мама, а ты возьмешь меня с собой?

И, вскочив со стула, он подбежал к Нелли и повис у неё на шее, целуя щеки, повторил вопрос:

– Возьмешь меня с собой?

Обнимая сына, Нелли вопросительным взглядом посмотрела на Тарона. Его голос был решающим. Она хорошо знала, что Тарону будет трудно отпустить её, даже пусть, может, и на короткое время. Но также она знала, что Тарон понимает, насколько важен для любимой этот шанс, сколько лет она мечтала о таком предложении... Как она стремилась к вершине этой мечты. Тарон чуть хитро прищурил глаза и, наклонив голову, тихо произнес:

– А меня возьмете с собой?

Нелли и Рупен в один голос синхронно ответили:

– Мы подумаем...

Их радости не было границ, они втроем, в предвкушении поездки в Париж, подшучивали друг над другом и так в радостной беседе собирались на улицу. Нелли торопилась на работу, чтобы предупредить и сообщить о поездке в Париж, что она согласна и принимает предложение известной телекомпании. На пороге, прощаясь, они вдвоем поцеловались, и Нелли вдруг спросила:

– А как же твоя работа? Ведь твой график настолько плотный и заранее просчитан по дням и даже по часам, Тарон.

– Я все сам решу, ты не волнуйся, все улажу, и никаких эксцессов не возникнет. Поговорим об этом после премьеры Ирэн. Встретимся в театре, я как раз заберу Рупена из школы.

Вся переполненная радостными эмоциями, Нелли закружилась в легком танце вокруг любимого и, чмокнув его в обе щеки, шепнула:

– Ты лучший из всех мужей!

– Нет, нет, любимая, – ловя губами её поцелуи, – из всех мужей самым лучшим был первый мужчина, и имя ему – Адам, любимая, – улыбаясь, с искорками счастья в глазах проговорил Тарон. – Ведь он был настолько увлечен созданием семьи, что отдал за это все блаженство свободы и наслаждения беспечностью Рая Еве. Лучшими мужьями не бывают, любимая, – подмигнул он Нелли. – Есть только прекрасные, несравненные, лучшие жены!

– Лъстец!

– Комплимент принят, – ответил Тарон и, кивком головы показав в сторону Рупена, продолжил: – А он весь в мыслях о Париже, небось, уже гуляет по улицам городским, пугая голубей, вылитый ты, мечтает и мечтает.

Нелли рассмеялась, шутя погрозив пальчиком Тарону, и поцеловала его. Она словно не хотела отпускать мужа и сына, в груди было какое-то щемящее чувство и даже мешало свободно дышать. Непонятное ощущение заставляло её застыть в такой позе, не пуская ни вперед, ни обратно. А Рупен в это время, крепко обнимая своего отца, произнес неожиданную для их ушей фразу:

– Мам, даже если бы ты меня не забрала с собой, и вы с папой приняли бы решение уехать без меня, я все равно мысленно был бы с вами. Я очень люблю вас, мам, пап! И я всегда буду с вами! Непонятная холодная дрожь пробежала волнами не только по Нелли, но и Тарон ощутил, как маленькими иголочками словно мороз пробежал по коже.

– Ты знаешь, да, что человек живет благодаря сердцебиению? – задал вопрос Тарон Рупену.

– Да, – тихо ответил ему Рупен, пристально и серьезным, недетским взглядом посмотрев в глаза своему отцу.

– Так вот. Ты – наше с мамой то самое сердцебиение.

Нелли от чувств чуть не расплакалась и, прижав голову Рупена к своему животу, шептала:

– Люблю тебя, мой малыш! Сынок... Люблю!

Она произносила эти слова, а в её груди словно что-то отрывалось, делилось на части и тяжелело с каждой минутой.

– Ну все, хватит этих сентиментальностей, пора ставить точку и завершать эту концовку, – провозгласил Тарон и, подхватив на руки Рупена, вышел. Открывая двери машины, он повернулся, чтобы поцеловать свою жену. Она шла следом, и на лице её было смятение и задумчивость. Тарон поцеловал Нелли, обнял за талию и дал напутствие:

– Будь аккуратна и следи обязательно за дорогой!

И, садясь в автомобиль, Тарон и Рупен глазами внимательно следили за движениями Нелли, как она кокетливо повела плечами и послала им обоим воздушный поцелуй и, сев за руль своей машины, подмигнула им фарами, это был условный знак – «До встречи, мои любимые». И, заведя мотор, умчалась по серой полосе дороги. Рупен долго провожал взглядом удаляющийся автомобиль мамы. И вдруг произнес неожиданную для Тарона фразу:

– Папа, хочу пройтись пешком, можно?

– А мы не опоздаем на твой первый урок?

– Мы и так не успеем. Можно?

– Можно, родной, – согласился Тарон, улыбнувшись ему и открывая дверь машины. – Ты что-то загрустил, из-за чего? У тебя какие-то проблемы в школе? Сынок.

– Нет. Так, мелочи. Сегодня мне как-то грустно, – выйдя из автомобиля, отвечал Рупен. – Папа, я сегодня проснулся грустным. А в школе всем известно, что я твой сын. И представь, кто, зная это, осмелится обидеть меня?

Тарон внимательно слушал сына и не расслышал звонок телефона. Задумавшись, Тарон смотрел на Рупена.

– Папа, тебе звонят, ты ответь. А я пойду покатаюсь на качелях.

Словно околдованный словами любимого сына, Тарон, не говоря ни слова, автоматическим движением нажал на кнопку ответа в телефоне. Раздавшийся в динамике голос любимой словно встряхнул его, приводя мысли в порядок. Нелли сообщала ему, что стоит в пробке.

– А мы тут решили чуть пройтись пешком, – ответил жене Тарон.

– Дай сейчас телефон Рупену, хочу его услышать, любимый, – попросила Нелли.

– Он сейчас катается на качелях, родная, – ответил Тарон. – Немедленно запрети ему кататься! – встревоженный голос Нелли чуть ли не разрывал телефон. – Немедленно! Ты слышишь меня, Тарон! Где ты? Алло...

Но Тарон уже не слышал голоса любимой. Как в замедленной съемке увидел он сияющую улыбку сына, а следом грохот оборвавшихся качелей. Он больше уже ничего не замечал, бросив телефон на асфальт, он бежал к детской площадке, к сыну, зовя его по имени.

Упав на колени перед сыном, он обнял его тело и дико прокричал:

– Рупен! Ты слышишь меня? Рупен! Сын!

В глаза бросилось то, что его руки были в крови Рупена, и зверским голосом он стал звать:

– Рупен! Рупен! Рупен!

И пребольшие глаза малыша что-то хотели сказать глазам Тарона, но сил не хватало. Пару секунд глаза Рупена, словно изучая, скользили по чертам лица Тарона, и взгляд Рупена застыл, смотря в небо. Небо словно снизошло со своей ниши, заняв пространство низко над землей, и печально заглядывало в глаза Тарона, одновременно отражаясь в застывшем взгляде его сына. Сидя на земле, Тарон качался взад-вперед, прижимая неподвижного Рупена к груди, и боль

сковала его дикий взгляд, нечеловеческим голосом он кричал, и некоторые слова звучали на незнакомом для других языке.

– Рупен! Сынок, скажи хоть слово! – глухие рыдания вырывались из его груди. Он прижимал лицо ребенка к губам, целуя и одновременно смотря на свои руки, которые были в крови. На лице Тарона тоже были следы крови, после прикосновения к лицу его сына Рупена.

– Рупен! Рупен!..

Голос Тарона, как рев дикого зверя, звучал и бился эхом по онемевшему пространству, окружавшему двоих плотной стеной горя.

Собравшиеся вокруг люди шептали между собой о том, что произошло, об увиденном, кто-то, незнакомец, подошел к Тарону, положила руку на его плечо, произнес:

– Он умер.

Услышав страшные слова от чужого, постороннего человека, Тарон обернулся к нему, посмотрел на него невидящим взглядом и снова склонил голову к телу Рупена.

Незнакомый мужчина снова повторил:

– Он умер. Понимаете!

От его фразы Тарон, словно бешеный зверь, резко поднялся с земли и набросился на незнакомца, словами выкрикивая ему в лицо:

– Он не умер! Не умер! Не умер! – поднял руку на ни в чем не повинного мужчину и зверски начал его избивать, крича:

– Не умер!..

Тарон бил, добивал до крови, и вдруг остановился, вздохнул и, оставив того лежащим и избитым жестоко, отвернулся и подошел к телу Рупена. Упав перед сыном на колени, он вновь обнял его, и его уста что-то пробормотали. Он говорил сыну:

– Скажи им, что ты не умер. Скажи! Хоть одно слово скажи!

Руки Тарона дрожали, он вновь и вновь касался губами лица сына, целовал его глаза, держа большой крепкой ладонью голову сына, его крик сердца доносился до двери Бога. Тарон звал его.

– Господи! Где Ты? Где? О, мой Бог!

Но Бог молчаливо взирал на мольбы убитого горем отца, и в этот миг, в эти секунды, отбивающие ставшие в один миг мертвыми минуты, не было во власти Бога сотворить чудо. А Тарон глотал слёзы и охрипшим голосом орал, зовя Бога, призывал святых, и его голос уже начал срываться, крадя слова. И когда сотрудники скорой помощи подошли к нему, он не подпускал никого близко к телу маленького мальчика. Никакие уговоры и доводы не дали результатов. Он, словно разъяренный зверь, набрасывался на каждого, кто приближался, и с силой отталкивал всех. Стоявшие вокруг люди не осмеливались предложить свою помощь, видя бешеные глаза Тарона и мальчика, лежавшего на земле в крови. А Тарон не слышал никого. В его ушах все сливалось в шум, и только одно имя было в этом шуме – Рупен!

И глаза Рупена застывшими зрачками смотрели на Тарона, а он все орал, прося сына, чтоб тот произнес хоть одно слово.

– Сынок, родной, мой Рупен, сыночек, скажи хоть слово!.. – целуя его похолодевшие маленькие ручки, просил Тарон. – Не оставляй меня! Рупен, скоро мама придет! Я уже слышу её шаги, сынок. Ты увидишь её, снова улыбнешься, встанешь, и мы втроём пойдём домой, сынок.

Тарон обвил руки вокруг маленького мальчика и бережно приподнял его, вставая. Они были в земле, смешанной с кровью. Осторожными шагами он направился в сторону скамейки, находившейся неподалеку от детской площадки. Присев на краешек скамьи, Тарон аккуратно прижал тело Рупена к груди, прерывисто дыша, и тихо хриплым голосом прошептал:

– Рупен, сынок. Люблю тебя. Я знаю, ты слышишь меня, мой родной. Сынок. Не оставляй меня. Сынок.

– Разрешите, я осмотрю вашего сына? – подойдя к Тарону близко, врач скорой помощи предусмотрительно остановился поблизости и поставил саквояж рядом с собой. – Я не отберу его у вас. Я только осмотрю его. В вашем присутствии. Это необходимость.

Врач был молодым мужчиной, с пенсне на носу, как когда-то, в старые времена, носили профессора.

Тарон, чуть приходя в себя от его спокойного, уверенного и вежливого тона, внимательно оглядел врача и посмотрел прямо в глаза, одновременно изучая его черты лица и жесты, поняв, что врач молодого возраста. И вдруг он заметил, что у молодого доктора такие же кудрявые волосы, как у Рупена, и есть схожесть в чертах лица. Тарон молчаливо кивнул головой, но спустя несколько секунд тут же добавил:

– Только не делайте ему больно. Он ведь еще совсем маленький, он ребенок. Он мой единственный сын.

– Я не причиню вашему сыну боли, могу за это поручиться, – ответил врач, еле сдерживая слезы. Ему было не по себе видеть убитого горем отца, его страдания и невыносимую боль в глазах.

– Если вы позволите, я осторожно возьму его из ваших рук.

Тарон словно задумался, пытаясь до конца осознать слова, произносимые доктором. Поцеловав Рупена, он дал согласие. Врач аккуратно и бережно забрал Рупена из сильных рук Тарона и поторопился в сторону машины скорой помощи. Стоявшая неподалёку женщина, по-видимому, помощница доктора, подхватила саквояж и пошла вслед за доктором. Тарон смотрел в сторону врача и машины скорой помощи, следя за происходящим, и, вмиг ощутив жгучую пустоту, потянулся рукой в свой карман брюк, достав пачку дорогих сигарет. Пальцы дрожали, он обронил одну сигарету, вторую. Наконец он подкурил, закашлявшись. Сквозь дым он заметил, как издалека к нему бежали Нелли и Ирэн.

– Тарон! – звала его Нелли.

Но Тарон молча смотрел на торопившуюся к нему жену, и ни слова не говоря, глотал дым сигарет. Он стал замечать, что вокруг толпа людей, и следил за ними из-под нахмуренных бровей. Он наблюдал за Ирэн, которая просила разъяснений у врача скорой помощи, и как тот опустил голову, жестами говоря Ирэн, что уже слишком поздно.

Он слышал громкий плач жены и ее голос, требующий и просящий одновременно не забирать сына. Но врач скорой помощи словно не слышал мольбы с уст матери. А она просила их подпустить её к сыну ближе, она заглядывала в окна машины, надеясь увидеть сына, но сквозь матовое стекло ничего не было видно.

– Я сожалею о случившемся, но ваш сын мертв. Мои соболезнования. Уже не в наших силах что-либо исправить. Нам остается только забрать его...

– Я еду с вами! – перебивая врача скорой помощи, утвердительно сказала Нелли.

– Простите, но я думаю, вам сейчас необходимо остаться с вашим мужем. Он нуждается в вас, и именно ему сейчас необходимо, чтобы вы были рядом, – кинув взгляд в сторону Тарона, врач глубоко вздохнул.

– Он прав, – вмешалась в их разговор Ирэн. – Я поеду в машине с ним. А ты останься с Тароном.

Врач скорой помощи с первого взгляда узнал в пожилой женщине знаменитую актрису Ирэн Хукаси. Её огромные черные глаза, обрамленные длинными ресницами, не утратили своей красоты. Ирэн унаследовала красоту Кавказа. Её тонкие черты лица, несмотря на немолодой возраст хозяйки, хранили в себе нежность и хрупкость. 76-летняя Ирэн Хукаси, не раздумывая долго, распорядительным поставленным голосом произнесла:

– Нелли, иди к Тарону.

Садясь в машину, Ирэн глазами словно обняла своего любимого правнука и, повернув голову, глубоко вздохнув, посмотрела через открытую дверь вслед удаляющейся к Тарону невестке.

– Тарон, любимый, – обняв своего мужа, произнесла Нелли. – Ирэн поедет с Рупеном, там, в больнице...

Не успев объяснить Тарону, она осеклась, увидев покрасневшие, ставшие вдруг звериными глаза. Он смотрел в сторону машины скорой помощи. И из его груди вырвался крик:

– Куда вы везете моего сына??

Нелли, вся дрожа, стояла рядом, она не знала, что сказать.

– Тарон, любимый, так надо, чтобы...

Но он не слышал голоса жены. Только звук мотора машины скорой помощи и как колеса, плавно тронувшись с места, повернули в сторону дороги. Тарон торопился, ускорял свои шаги, крича:

– Стойте! Куда вы везете моего сына??

Но его никто не слышал, лишь толпа любопытных вокруг детской площадки. Но водитель скорой помощи заметил в зеркале заднего вида, как Тарон бежит вслед за машиной.

Сердце Тарона разрывалось от собственных ударов и дыхания еле хватало, чтоб бежать дальше.

– Сынок! Мой Рупен! Сынок! Родной мой!..

Тарон долго бежал, не останавливаясь, и звал своего ребенка.

– Верните мне моего сына! – кричал он. Силы уже сдавали, и ноги становились ватными, а он все продолжал звать:

– Рупен! Мы скоро будем вместе! Мой родной! Рупен!..

Ноги Тарона не выдержали, и он упал на асфальт, больно ударившись, хоть и не ощущая физической боли. Он пополз вслед, подтягиваясь на руках, руки дрожали, не повинаясь ему. Он изо всех сил повернулся на спину и посмотрел в небо.

– Господи. Верни мне моего сына!..

Схватившись за голову, Тарон уже орал без голоса, и его сильные руки деревянными пальцами впивались в его седые волосы. Он зверски начал терзать самого себя, оставляя глубокие царапины на лице.

– Тарон! Тарон, остановись! Что ты делаешь... – еле дыша, просипела очутившаяся рядом Нелли. Она весь путь бежала изо всех сил за мужем, спотыкаясь и падая. Встав на колени рядом с мужем, она быстро-быстро дышала, но смогла произнести:

– Тарон, любимый.

Крепко обняв его, она склонила его голову к своей груди, всем сердцем желая избавить его от боли. И не думала, что мучения Тарона только начались...

На похоронах сына Тарон молча стоял, не проронив ни слова. Внимательно он смотрел, изучая черты лица своего сына. В похоронной процессии он словно был наблюдателем, и каждого пристально осматривал, и словно бы запоминал жесты, действия, речи. Без чувств, без эмоций, с окаменевшим лицом. И миг он вдруг остановил свой взгляд на Ирэн. Его бабушка громко, навзрыд плакала, держась за руку Нелли. Иногда она пыталась что-то сказать Нелли, а та, обнимая её одной рукой, стояла с серым, землистого цвета лицом. Рядом с ними всё время находился их семейный доктор Альберт Манукян и зорче любой охраны наблюдал за Ирэн и Нелли. Тарон перевел взгляд на своих коллег. В их глазах он увидел боль вместо жалости, которая обычно присутствует в таких случаях в умах людей. Жалость – она подобна меркантильности. И от неё не все люди застрахованы. Каждый из собравшихся тихими шагами приближался к гробу Рупена и произносил чуть слышным голосом прощальные слова. Как всё это выдерживало сердце Нелли – известно, наверное, только Небесам. А они разрывались в своей бесконечности пространства, и чувствовалось, как всё вокруг словно застыло, оцепенело от

горя родителей. Когда работники старого кладбища взяли в руки гвозди и подошли к гробу Рупена, сильный ветер вдруг пронесся над всеми присутствующими, и всем был слышен его протяжный дикий стон. Тарон остановил работников, преградив торсом им дорогу, жестом давая знак, что ещё рано для их работы. Повернувшись, Тарон медленно подошел к гробу Рупена. Склонившись над сыном, взял в руки его маленькие ладони и чуть слышным, севшим голосом обратился к сыну:

– Сегодня очень многие принесли что-либо из того, что было частью нашей жизни вместе с тобой. Чтобы тебе там, в раю, не было скучно. Вот мама держит твою любимую шапку, и Ирэн принесла твоего обожаемого Тэдди. И мои коллеги принесли именно те конфеты, которые ты любишь. Тут присутствуют все твои друзья, сынок. Знаю, ты сейчас всё видишь. Хоть и молчишь. Только не знаю ответа... простишь ли ты меня. Я не сдержал своё слово, данное обещание, что оберегу тебя. Сынок, мой Рупен! Если бы было возможно вырвать собственное сердце из груди и отдать тебе, чтобы оно хотя бы в раю оберегало тебя. Не задумываясь, я бы прямо сейчас сделал бы это. Я умер вместе с тобой, мой родной, – взгляд Тарона взметнулся в небо, и мужчина сдавленно произнес: – Господь, ты не жалел моего сына, так же как не жалел и своего сына Христа, принося его в жертву человечеству. Сегодня я отдаю тебе в руки моего Рупена. Обереги его в раю, как своего.

Поцеловав руки и лицо своего сына, еле держась на ногах, Тарон в последний раз посмотрел на маленького недвижимого Рупена. Поискав глазами работников, он кивнул им головой, давая понять, что те могут приступить к своей назначенной работе. Тарон повернулся лицом ко всем собравшимся, и впервые за несколько дней молчания обратился к ним.

– Тихо скорбите о моем сыне. Он спит. Прошу вас, не потревожьте его крепкий, вечный сон...

Тарон снова устремил свой взгляд в небо и что-то произнес шепотом на своем родном армянском языке. И вновь повернувшись, взглянул на уже закрытый маленький гроб, в котором покоился его Рупен. «Я каждый день буду навещать тебя. Обещаю...» – мысленно проговорил он...

После похорон сына Тарон ни с кем не разговаривал и каждый день, приходя на кладбище, навещал своего сына Рупена, вновь и вновь слыша звуки падающей горстки земли, покрывающей гроб сына. И следом голос Нелли: «Господи, за что!..» Дни шли за днями и словно червяками поедали разум Тарона. И только приходя на могилу Рупена каждый день, он словно обретал покой, ненадолго оживая, рассказывая, что происходит в мире, что делает мама...

И только когда уже начинало рассветать, Тарон торопился домой, чтобы успеть посмотреть новую серию любимого Рупеном мультфильма, чтобы потом, придя вновь к могиле сына, рассказать продолжение новых приключений всех героев... Тарон находил смысл в каждодневных визитах к могиле сына, это был словно ритуал, без которого всё было пустым. И никакие увещания, никакие слова, услышанные от близких, в особенности понимание Нелли, не помогали Тарону хоть немного унять эту сжигающую боль в его сердце. Словно замедленно действующий яд, боль все глубже и глубже впивалась в разум Тарона, держа в острых когтях его сердце. И через него разрушая, помимо его жизни, судьбы близких, всех, кто окружал его вниманием, чуткой заботой, мудрым пониманием, и терпением. Эта нечеловеческой природы боль властвовала над сознанием Тарона и меняла его настолько в противоположную сторону, что в нём проснулась ненависть к детскому смеху, к самим детям, и он не мог спокойно пройти мимо детской площадки, стоять возле парка, где гуляли дети. Радость чужих детей пробуждала в нём злость и слепую ярость... Его коллеги по работе с пониманием относились к горю от утраты любимого, единственного сына. И, идя навстречу, им пришлось отменить основные съемки, приостановить работу над текущим фильмом. Каждый день все ожидали его возвращения, хоть и вынужденно уже разорвали контракт с несколькими актерами, возмещая ущерб

и неустойку. А в это время Тарон, словно сторонний наблюдатель, изучал мир, вслушиваясь в его звуки. Но ничего не волновало его, не цепляло за живое, чтобы другими глазами посмотреть в глаза Жизни. Его мысли блуждали вдали от городской суеты, среди молчаливых памятников, возле небольшого креста, под которым покоился в земле его Рупен.

– Сегодня ровно три месяца, как тебя нет в этом мире живых, – приседая возле могилы Рупена, проговорил Тарон. – Ты прости меня, что сегодня не смог придти пораньше. Я спал, и ты снился мне. Мы беспечно шагали по городу, гуляя. Как ты, родной?

Тарон замолчал, машинально потянувшись в карман за пачкой сигарет. Подкурив очередную сигарету, он вновь продолжил монолог:

– Вижу любимые цветы твоей мамы, сирень. Она навещает тебя. Твоя мама тоскует по тебе, хоть и скрывает чувства от меня, пряча слёзы. Да, сегодня...

– Луна красавица!

Тарон не успел договорить свою мысль, как услышал за своей спиной всего два слова: «Луна красавица!». Он обернулся в сторону прозвучавшего голоса. Позади себя он увидел стоящего старика. Его лицо все было покрыто мелкими морщинками и еле были видны его брови, а маленькие глаза пристально вглядывались в Тарона. Старик поднял голову к небу и смотрел на луну, она освещала желтым цветом всё вокруг, не обращая внимания на всё, что происходило под ней. В руках старик держал две большие кружки крепкого горячего чая. Не глядя на Тарона, старик протянул ему кружку, предлагая:

– Возьми выпей. Что-то холодно сегодня.

Тарон молча взял из рук старика кружку чая.

– Я за тобой уже давно слежу, – старик, чуть кряхтя, присел рядом с Тароном. – Даже знаю, о чём ты думаешь.

– О чём же мои мысли? – сделав маленький глоток чая, задал вопрос Тарон.

– О том, что ему, – кивнув головой в сторону могилки Рупена, – холодно ли там.

В ответ Тарон, скрывая чувства, склонил голову, давая понять, что старик прав.

– А знаешь, им не холодно тут, под земным покрывалом. Им бывает холодно тогда, когда близкие убивают себя, наказывая, винят себя и умирают в себе. Вот тогда они словно во льду, и им холодно, и не могут они ничего изменить, – спокойным голосом вещал старик, делая глоточки чая. И неожиданно добавил:

– Вот чай. Крепкий, с горьковатым, терпким привкусом. Но мы можем изменить вкус чая, чуть больше посахарив его. У боли тоже есть свой индивидуальный вкус.

Тарон пристально посмотрел на старика и, чиркнув зажигалкой, подкурив новую сигарету, протянул пачку сигарет старику, молчаливо предлагая тому составить компанию.

– Угощайтесь, – предложил Тарон.

– А у меня свои, – ответил старичок, и тут же передумал: – А хотя, давай-ка.

И взяв одну сигарету, он сначала поднёс её аккуратно к своему носу и сделал глубокий вдох, втягивая в себя её аромат.

– Терпкий запах, – выговорил старик.

Тарон только чуть усмехнулся. А старик продолжил:

– Ты так сильно переживаешь за Рупена... – подкурив сигарету и вновь поглядев на луну, сказал старик.

– Откуда ты знаешь имя моего сына? – вдруг резко спросил Тарон.

– А я тут всех по именам знаю, и даже то, какой был человек при жизни, – старик был спокоен, напоминал тибетского ламу. – Луна так прекрасна в желтой тунике! – всё выражал свое восхищение старик.

И тут его взгляд скользнул по Тарону, упав на его дрожащие руки. – Ты застегни свою куртку.

Тарон вновь задал вопрос:

– Откуда знаешь ты имя моего сына? Но хотя...

Тарон перевел взгляд на небольшую надгробную надпись, где было упомянуто имя его сына. Старик привстал со скамейки и, вновь подняв голову к звездному небу, неторопливо проговорил:

– Тут я работаю уже больше десяти лет сторожем. Как видишь, оберегаю покой ушедших. Всех тут знаю, их жизни мне известны. У каждого своя неповторимая история, – сделав глубокий вздох, старик подсел поближе к Тарону. Он словно чувствовал сам физически боль и крик, терзавшие все существо Тарона, хотя от одного взгляда можно было прочесть по лицу Тарона – оставьте меня одного, наедине с моей болью. По-отечески положив руку на плечо Тарона, старик тихим голосом спросил: – А знаешь ты, что говорит тебе твой сын?

Да, ты не слышишь его голос, даже в себе ты голос сына заглушил своими мыслями. А все они ведь тоже разговаривают с близкими, кем любимы и кого любят. Я больше чем уверен, он и сейчас говорит тебе: «Пап, береги мою маму, береги себя». А ты не слышишь. Никто из нас не может слышать их, мы, люди, слишком грубы для восприятия того, куда все в итоге уходим. А они никогда не позволяют себе потревожить нас. Это мы, простые люди, сами того не желая, тревожим их покой, их мир. И не понимаем, что сами причиняем им боль. Вдвойне. Ведь грань никогда не станет эллипсом... Внимая мудрым речам старика, Тарон едва сдерживал свои скупые слёзы, накопившиеся озерами в его синих глазах. Боль цепко держала разум в своих тисках и не давала осознавать смысл сказанного невесть откуда появившимся человеком, сидящим сейчас рядом с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.